

Ужасъ высотъ

Со включеніемъ рукописа, извѣстной подъ названіемъ: «Отрывокъ изъ отчета Джойса-Армстронга».

Новый рассказъ
Артура Кокакъ-Доля.

I.

МЫСЛЬ о томъ, что необыкновенный рассказъ, такъ называемый „отрывокъ изъ отчета Джойса-Армстронга“—ловкая шутка, сыгранная кѣмъ-то неизвѣстнымъ и порожденная фантастическимъ и мрачнымъ юморомъ, теперь вполне оставлена людьми, разсѣятыми этотъ вопросъ. Самый зловѣщій, мрачный и одаренный живымъ воображеніемъ шутникъ не сталъ бы связывать своихъ болѣзненныхъ фантазій съ тѣми несомнѣнными и трагическими событіями, которыя придаютъ силу его словамъ. Правда, рассказанное въ „отрывкѣ“ изумительно, даже чудовищно, тѣмъ не менѣе утвержденія автора рукописи противъ воли овладѣваютъ нашимъ мозгомъ и заставляютъ насъ думать, что намъ необходимо перестроить умъ согласно съ новыми взглядами. Начинаетъ казаться, будто міръ, въ которомъ мы живемъ, отдѣленъ только легкой и ненадежной преградой отъ самыхъ необыкновенныхъ и неожиданныхъ опасностей. Постараюсь въ своемъ рассказѣ, воспроизводящемъ упомянутый документъ въ по необходимости отрывочной формѣ, вернуть передъ читателемъ послѣднія событія, а въ видѣ предисловія скажу, что если кто-нибудь еще сомнѣвается въ достовѣрности словъ Джойса-Армстронга, то факты, касающіеся лейтенанта Миртля (изъ Королевскаго флота) и м-ра Хей Конора, дѣйствительно погибшихъ ниже описаннымъ образомъ,—безспорны.

Отрывокъ изъ рукописи Джойса-Армстронга былъ найденъ на полѣ, называемомъ Нижній Хейкокъ, на милю къ востоку отъ деревни Вайтигамъ на границѣ Кента и Суссекса. Пятнадцатаго числа прошедшаго сентября Джемсъ Флинъ, работникъ фермера Матью Додда, съ фермы Чоунтри, замѣтилъ черешневую трубку, лежавшую близъ пѣшеходной тропинки, которая бѣжитъ

вдоль живой изгороди поля. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ поднялъ разбитый бинокль; наконецъ, среди густой кропивы въ канавѣ увидѣлъ плоскую тетрадь съ полотнянымъ корешкомъ, оказавшуюся записной книжкой съ отрывными листьями; многіе изъ нихъ отдѣлились и разлетѣлись вдоль изгороди. Онъ собралъ ихъ; но нѣкоторые, въ томъ числѣ первый, не были найдены; это образовало прискорбный пробѣлъ въ до крайности важномъ документѣ. Работникъ отнесъ записную книжку къ своему хозяину, а тотъ, въ свою очередь, показалъ ее д-ру Асертону изъ Хартфильда. Этотъ джентльменъ сразу понялъ, что рукопись необходимо отдать на разсмотрѣніе свѣдущихъ людей — и книжка была отправлена въ лондонскій аэро-клубъ, гдѣ она и находится въ настоящее время.

Двухъ первыхъ страницъ не хватаетъ. Въ концѣ разсказа также вырвана одна; однако, это не нарушаетъ общей стройности отчета. Предполагаютъ, что исчезнувшее начало касается авиаторской дѣятельности м-ра Джойса-Армстронга, которая извѣстна изъ другихъ источниковъ, причемъ знающіе люди находятъ, что ни одинъ изъ европейскихъ воздушныхъ пилотовъ не превзошелъ его въ этомъ отношеніи.

Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ считался однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ развитыхъ летчиковъ; эти два качества дали ему возможность изобрѣсти и подвергнуть испытанію нѣсколько новыхъ усовершенствованій, въ томъ числѣ жироскопическій аппаратъ, извѣстный подъ его именемъ и примѣненный имъ къ летательнымъ машинамъ. Большая часть страницъ книжки исписана четкимъ почеркомъ и чернилами, но нѣсколько строкъ въ концѣ набросано карандашомъ и такъ безпорядочно, что ихъ трудно разбирать; кажется, будто онъ были нацарапаны поспѣшно на сидѣнны летящаго аэроплана. Надо прибавить, что на послѣдней страницѣ и на переплетѣ книжки

виднѣются темныя пятна; эксперты признали ихъ слѣдами крови, вѣроятно, человѣческой и носомнѣнно принадлежавшей млекопитающему. Тотъ фактъ, что нѣчто въ высшей степени похожее на бактерии маляріи, было найдено въ этой крови, и что Джойсъ-Армстронгъ, какъ извѣстно, давно страдалъ перемежающейся лихорадкой, — составляетъ замѣчательный примѣръ новыхъ орудій, которыя современная наука дала въ руки нашихъ сыщиковъ.

Теперь нѣсколько словъ о личности автора отчета, который, вѣроятно, создастъ новую эпоху. По словамъ немногихъ друзей Джойса-Армстронга, дѣйствительно знавшихъ его характеръ, онъ былъ не только изобрѣтателемъ и механикомъ, но также поэтомъ и мечтателемъ. Человѣкъ очень богатый, онъ истратилъ большія деньги, стараясь осуществить свою идею. Въ сараяхъ-ангарахъ Джойса Армстронга близъ Девайса стояло четыре аэроплана, и, говорятъ, что въ теченіе прошлаго года, онъ поднимался не менѣе ста семидесяти разъ. Это былъ сдержанный человѣкъ, который по временамъ впадалъ въ мрачное уныніе и въ такомъ настроеніи избѣгалъ общества. Капитанъ Денгерфильдъ, знавшій Джойса Армстронга лучше, чѣмъ кто-либо другой, говоритъ, что порой его эксцентричность грозила перейти во что-нибудь болѣе серьезное. Напримѣръ, Джойсъ всегда бралъ съ собой на аэропланъ свое ружье, заряжавшееся картечью.

Другимъ доказательствомъ справедливости словъ Денгерфильда служить то болѣзненное впечатлѣніе, которое произвело на Джайса-Армстронга паденіе лейтенанта Миртля. Миртль пытался побить рекордъ высоты, упалъ приблизительно съ тридцати тысячъ футовъ. Страшно сказать: его голова была совершенно уничтожена, хотя тѣло, руки и ноги сохранились вполнѣ. По словамъ Денгерфильда, на каждомъ собраніи летчиковъ Джойсъ Армстронгъ съ загадочной улыбкой спрашивалъ:

— А гдѣ, скажите, пожалуйста, голова Миртля?

Однажды послѣ обѣда въ столовой школы авіаторовъ въ долинѣ Сальсбери, онъ поднялъ вопросъ о томъ, „что со временемъ сдѣлается самой обычной опасностью для воздушныхъ пилотовъ“. Было сказано много различныхъ предположеній. Одни говорили о такъ называемыхъ „воздушныхъ мѣшкахъ“, другіе о перегрузкѣ. Онъ выслушалъ всѣхъ, пожалъ плечами и отказался изложить свои собственные взгляды, однако, по выраженію лица Джойса-Армстронга можно было понять, что его идея совершенно не сходилась съ мнѣніями его товарищей.

Необходимо замѣтить, что послѣ окончательнаго исчезновенія Джойса-Армстронга, его частныя дѣла оказались въ такомъ, доведенномъ до совершенства порядкѣ, который говорилъ, что онъ предвидѣлъ несчастье. Послѣ этихъ существенныхъ объясненій, я дословно приведу рассказъ Джойса-Армстронга, начавъ съ третьей страницы пропитанной кровью записной книжки.

II.

...Тѣмъ не менѣе, обѣдая въ Реймсѣ съ Козелли и Густавомъ Реймондомъ, я понялъ, что ни тотъ, ни другой не зналъ объ особенной опасности высшихъ слоевъ атмосферы. Я не открылъ имъ своихъ истинныхъ предположеній, однако, подошелъ къ сущности вопроса такъ близко, что, шевелись въ ихъ умахъ какая-либо соответствующая мысль, они непременно выразили бы ее. Но это пустые, тщеславные малые; они желаютъ только видѣть свои глупыя фамиліи въ газетахъ. Интересно отмѣтить, что ни одинъ изъ нихъ никогда не былъ значительно выше двадцати тысячъ футовъ надъ землей. Правда, многіе поднимались выше этого и на воздушныхъ шарахъ, и при восхожденіи на горы, но, безъ сомнѣнія, аэропланъ попадаетъ въ опасный поясъ значительно дальше этой черты,—если допустить справедливость моихъ предположеній.

„Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ занимаемся мы авіаціей и, конечно, можно спросить: почему опасность сказывается только въ наши дни? Отвѣтъ очевиденъ. Въ эпоху слабыхъ машинъ, когда „Гномъ“ или „Гримъ“ во сто лошадиныхъ силъ считался вполнѣ достаточнымъ двигателемъ во всѣхъ случаяхъ, полеты были въ высшей степени ограничены. Теперь же, когда моторъ въ триста лошадиныхъ силъ является скорѣе правиломъ, нежели исключеніемъ, посѣщать высшіе слои атмосферы удобнѣе и проще. Нѣкоторые изъ насъ помнятъ, какъ во дни нашей юности Гарро заслужилъ мировую славу, достигнувъ девятнадцати тысячной высоты, а перелетъ черезъ Альпы считался замѣчательнымъ подвигомъ. Въ настоящее время наши требованія увеличались неизмѣримо; въ одинъ лишь послѣдній сезонъ насчитывается двадцать высокихъ полетовъ. Многіе изъ нихъ были совершены безнаказанно. Нѣкоторые поднимались на тридцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, не испытывая никакихъ затрудненій, кромѣ холода и астмы. Что же это доказываетъ? Путешественникъ можетъ спуститься на нашу планету тысячу разъ и не увидѣть тигра; однако, тигры водятся на землѣ и, если бы ему случилось упасть въ джунгли, звѣрь могъ бы его растерзать. Въ высшихъ слояхъ воздуха существуютъ джунгли, въ которыхъ обитаетъ нѣчто, похуже тигровъ. Я думаю, со временемъ такіи воздушныя заросли будутъ точно занесены на небесныя карты. Даже теперь я могъ бы назвать двѣ изъ нихъ. Одна лежитъ надъ областью По-Біаррицъ, другая приходится какъ разъ надъ моей головой, когда я сижу и пишу у себя дома въ Уильямсбургѣ. Я сильно предполагаю, что есть еще и третья зона надъ областью Гамбургъ-Висбадевъ.

„Исчезновенія летчиковъ заставили меня пораздумать. Всѣ говорили, что они упали въ море, но такое объясненіе совершенно не удовлетворило меня. Во-первыхъ, Веріе во Франціи:

его машину нашли близъ Байонны, но тѣла никогда не отыскали. А потомъ Бакстеръ! Онъ исчезъ, хотя остатки его аппарата были найдены въ лѣсу Лейчестершайра. Въ послѣднемъ случаѣ д-ръ Миддлтонъ изъ Амсбери слѣдилъ въ телескопъ за полетомъ и, послѣ несчастія, заявилъ, что передъ тѣмъ, какъ тучи затемнили для него поле зрѣнія, машина, находившаяся на громадной высотѣ, внезапно сдѣлала нѣсколько скачковъ и поднялась по вертикальной линіи, принявъ положеніе, которое до тѣхъ поръ онъ считалъ невозможнымъ... Больше Бакстера не видали. Въ газетахъ появились корреспонденціи, но онѣ ни къ чему не повели. Произошло еще нѣсколько подобныхъ случаевъ. Наконецъ, мы видимъ смерть Коннора. Какая болтовня поднялась, вслѣдствіе неразрѣшенной тайны воздуха, сколько появилось столбцовъ въ грошевыхъ листахъ, и какъ мало было сдѣлано для раскрытія сущности вопроса! Невѣроятнымъ „volplane“ онъ спустился съ новѣдомыхъ высотъ и... не сошелъ со своей машины—умеръ на пилотскомъ мѣстѣ. Умеръ отъ чего? „Болѣзнь сердца“,—опредѣлили доктора. Вздоръ! Сердце Коннора было такъ же здорово, какъ мое. Что сказалъ Венеблсъ? Венеблсъ—единственный человекъ, бывшій подлѣ него въ минуту его смерти. Онъ заявилъ, что Конноръ весь дрожалъ и осматривался взглядомъ жестоко испуганнаго человека. „Онъ умеръ отъ страха“,—сказалъ Венеблсъ, но не могъ себѣ представить, что испугало его. Конноръ прошепталъ Венеблсу только одно слово, слово похожее на „чудовища“. Дѣлая разслѣдованія, никто ничего не понималъ. Но я кое-что соображаю. „Чудовища!“ Вотъ послѣднее слово бѣднаго Гарри Коннора! Онъ, дѣйствительно, умеръ отъ ужаса, какъ и предположилъ Венеблсъ.

„Потомъ голова Миртля! Неужели вы, дѣйствительно, думаете,—неужели ктонибудь, дѣйствительно, думаетъ,—будто сила паденія способна вдавить голову человека въ его тѣло? Да, мо-

жетъ быть, это и мыслимо, однако, я никогда не вѣрилъ, чтобы съ Миртлемъ случилась подобная вещь. А сало на его платьѣ? „Весь скользкій отъ сала“, сказалъ одинъ изъ производившихъ освидѣтельствованіе. Удивительно, что никто не подумалъ объ этомъ. Но я то думалъ. Я давно думаю. Я поднимался трижды (до чего Денгерфильдъ насмѣхался надъ моимъ ружьемъ!), но никогда не былъ достаточно высоко. Теперь, благодаря новой легкой машинѣ системы Поуля Веронера съ двигателемъ Ребурнъ въ сто семьдесятъ пять силъ, я завтра безъ труда достигну тридцати тысячъ футовъ. Постараюсь побить рекордъ. Можетъ быть, добьюсь и чего-нибудь другого. По-нянгу, это опасно. Но если человекъ желаетъ избѣгать опасности, ему лучше всего совсѣмъ не летать, а просто надѣть фланелевыя туфли и халатъ. Завтра я попаду въ воздушную джунглю, и если въ ней есть что-нибудь, я это узнаю. Придется мнѣ вернуться—я сдѣлаюсь знаменитостью. Если я не вернусь, эта тетрадь объяснить, что я пытался отыскать и какимъ образомъ я погибъ. Но пожалуйста, безъ болтовни о случайностяхъ или необъяснимыхъ тайнахъ. Для своей цѣли я выберу монопланъ Поуля Веронера. Когда предстоитъ настоящее дѣло, ничто не сравнится съ монопланомъ. Еще въ давніе дни это пашель Бомонъ. Главное,—монопланъ не боится сырости и непогоды. Этотъ прекрасный маленький аппаратъ слушается моей руки, какъ мягкоуздая лошадь. Моторъ—десятицилиндровый, вращающійся Робуръ, развиваетъ до ста семидесяти пяти силъ. Въ монопланѣ всѣ современныя усовершенствованія, включая опускныя шасси, тормоза, жироскопическіе уравнители, онъ имѣетъ также три быстроты, достигаемыя измѣненіемъ угла плановъ. Я взялъ съ собой ружье и дюжину заряженныхъ картечью патроновъ. Посмотрѣли бы вы на лицо моего стараго механика Перкинса, когда я попросилъ его положить ихъ въ машину! Я одѣлся, какъ арктической изслѣдо-

ватель: двѣ фуфайки подѣ теплымъ костюмомъ; толстые носки, стеганные сапоги, штурмовая фуражка съ наушниками и тальковые очки. Въ ангарахъ было душно, но вѣдь я направлялся, такъ сказать, на вершины Гималаевъ, и мнѣ слѣдовало одѣться соответственно. Перкинсъ понималъ, что предстоитъ что то особенное и умолялъ меня взять его съ собой. Можетъ быть, я согласился бы, если бы выбралъ бипланъ; монопланъ же—для одного, если желаешь извлечь изъ него каждый футъ подъема. Понятно, я захватилъ съ собой подушку съ кислородомъ: человекъ, желающій достигнуть наибольшей высоты безъ запаса кислорода, или замерзнетъ, или задохнется, или и то, и другое вмѣстѣ.

„Раньше чѣмъ ступить на монопланъ, я внимательно осмотрѣлъ его крылья, руль направленія и руль высоты. Насколько я могъ видѣть, все было въ порядкѣ. Я привелъ въ дѣйствіе мою машину; она шла хорошо, ровно. Когда аппаратъ опустился, онъ, двигаясь съ наименьшей скоростью, почти сразу поднялся. Я сдѣлалъ два круга надъ моимъ лужкомъ, чтобы разогрѣть двигатель, потомъ, махнувъ рукой Перкинсу и остальнымъ, выпрямилъ крылья и поставилъ рычагъ на самый скорый ходъ. Минутъ восемь-десять монопланъ летѣлъ по вѣтру точно ласточка, но я повернулъ его, слегка поднялъ его переднюю часть, и онъ широкой спиралью двинулся къ грядѣ тучъ, висѣвшей надо мной. Въ высшей степени важно подниматься медленно, прижимаясь къ давленію.

III.

„Стоялъ душный, жаркій день, и въ воздухѣ чувствовалось тяжелое затишь, какъ передъ дождемъ. Съ юго-запада по временамъ налетали порывы вѣтра; одинъ изъ нихъ былъ такъ силенъ и неожиданный, что заставилъ мой аппаратъ сдѣлать полуоборотъ. Я вспомнилъ тѣ времена, въ которыя шквалы, вихри и „воздушные мѣшки“ служили опасностями; то-есть, эпоху, когда

люди еще не умѣли вылавывать въ свои машины мощь, преобладающую такія затрудненія. Когда я уже достигалъ тучъ и амтиметръ—высотомѣръ,—показывалъ три тысячи, начался дождь. О, какъ онъ лилъ! Капли барабанили по моимъ крыльямъ, бичевали мнѣ лицо, туманили очки, такъ что я съ трудомъ смотрѣлъ впередъ. Я уменьшалъ скорость машины, потому что было тяжело двигаться противъ ливня. Выше дождь превратился въ градъ, и мнѣ пришлось обратить къ нему хвостъ моноплана. Одинъ изъ цилиндровъ пересталъ работать,—вѣроятно, вслѣдствіе загрязнившагося воспламенителя; тѣмъ не менѣе я все же поднимался достаточно хорошо. Черезъ нѣсколько времени неприятность, что бы ни вызывало ее, устранилась, и я услышалъ полное, глубокое жужжаніе: десять цилиндровъ пѣли, какъ одинъ. Въ такихъ случаяхъ сказывается вся прелесть нашихъ современныхъ умѣрителей звука. Мы можемъ слухомъ контролировать дѣйствіе машинъ. До чего онѣ пищатъ, визжатъ и рыдаютъ, когда въ нихъ что-нибудь портится! Въ былое время эти призывы на помощь пропадали даромъ: ихъ всецѣло поглощала чудовищный грохотъ машины. Если бы только первые авіаторы могли воскреснуть и увидѣть купленное цѣной ихъ жизни совершенство механизмовъ!

„Около половины десятого я приблизился къ тучамъ. Подо мной разстилалось ступенчатое и затемненное дождемъ широкое пространство сальберійской низменности. Съ полдюжины летательныхъ машинъ работала на высотѣ тысячи футовъ; на фонѣ зеленого поля онѣ казались маленькими черными ласточками. Полагаю, авіаторы спрашивали себя, что я дѣлаю въ странѣ тучъ? Внезапно передо мной выросла сѣрая завѣса, и влажные клубы тумана обвили мое лицо. Неприятное ощущеніе чего-то холоднаго и липкаго... Но я выбрался изъ полосы града и, значитъ, все-таки достигъ кое-какой выгоды. Туча была темна и густа, какъ

лондонскій туманъ. Стремясь выбраться изъ сырой гряды, я поднялъ носъ аэроплана, да такъ сильно, что зазвепѣлъ автоматическій тревожный звонокъ; я сталъ скользить назадъ. Промошшія крылья моноплана, съ которыхъ падали капли, сдѣлали его вѣсъ тяжелѣе, чѣмъ я думалъ, но скоро я очутился въ болѣе легкомъ облакѣ, а потомъ и совсѣмъ вышелъ изъ перваго слоя тучъ. Дальше былъ второй — пѣкшій, цвѣта опала; онъ висѣлъ высоко надъ моей головой. Бѣлый сплошной потолокъ вверху, темный сплошной полъ внизу, а между ними монопланъ, который, описывая спирали, пролагалъ себѣ путь въ высотахъ. Въ этихъ пространствахъ между облаками чувствуешь себя убійственно одинокимъ. Разъ большая стая капкъ-то мелкихъ водяныхъ птицъ пропелась мимо меня, быстро направляясь къ западу. Шелестъ ихъ крыльевъ и ихъ музыкальный крикъ показались моему слуху веселыми звуками. Кажется, это были чирки, но я плохой зоологъ. Теперь, когда мы, люди, стали птицами, намъ слѣдовало бы научиться распознавать нашихъ собратьевъ по внѣшнему виду.

„Внизу подо мною крутился вѣтеръ и колебалъ просторную облачную пелену. Однажды въ ней образовался какъ бы водоворотъ изъ тумана, и, точно глядя въ воронку, я на мгновение разглядѣлъ отдаленную землю. Глубоко подо мною пролетѣлъ большой бѣлый билланъ; я думаю, утренній почтовый — между Бристолемъ и Лондономъ. Потомъ сѣрые клубы снова сомкнулись, и я опять очутился въ воздушной пустынѣ.

„Въ началѣ одиннадцатаго, я коснулся нижней окраины второго слоя облаковъ. Онъ состоялъ изъ тонкаго прозрачнаго тумана, быстро плывшаго съ запада. Все это время вѣтеръ постоянно усиливался и теперь дулъ рѣзко, судя по моему индикатору, двадцать восемь въ часъ. Было уже очень холодно, хотя мой высотомѣръ показывалъ лишь девять тысячъ. Машины

работали прекрасно, и мы поднимались. Высокая гряда облаковъ оказалась гуще, чѣмъ я ожидалъ, но, наконецъ, она превратилась въ золотистую дымку, и черезъ мгновение я вылетѣлъ изъ нея; надо мной раскинулось безоблачное небо, и заблестало яркое солнце. Вверху были только лазурь и золото; внизу только блестящее серебро, насколько хватало мое зрѣніе — одна сверкающая облачная равнина. Часы показывали четверть одиннадцатаго, а стрѣлка барографа стояла на цифрѣ двѣнадцать тысячъ восемьсотъ. Я все шелъ вверхъ и вверхъ; мой слухъ сосредоточивался на глубокомъ жужжаніи мотора, глаза наблюдали за часами, за индикаторомъ наклоновъ, за рычагомъ бензина и за маслянымъ насосомъ. Псмудрено, что авіаторовъ считаютъ безстрашными. Мысли летчика заняты такими разнородными предметами, что ему некогда беспокоиться о себѣ! Въ эти минуты я замѣталъ, до чего, на извѣстномъ разстояніи отъ земли, буссоль не надежна. О своемъ направленіи я могъ судить только по солнцу и вѣтру.

„На большой высотѣ я надѣялся достигнуть полосы вѣчнаго покоя, но съ каждой новой тысячею футовъ, шквалы дѣлались все сильнѣе. Встрѣчая ихъ удары, моя машина стонала и дрожала во всѣхъ своихъ соединеніяхъ; на поворотахъ трепетала, какъ листъ бумаги, а когда я ставилъ ее по вѣтру, несла меня, вѣроятно, съ такой быстротой, какой еще никогда не испытывалъ ни одинъ смертный. Мнѣ приходилось постоянно дѣлать новые повороты, потому что я стремился достигнуть не только наибольшей высоты. Судя по своимъ вычисленіямъ, я полагалъ, что воздушная джунгля лежитъ надъ Уилтъжайромъ, и всѣ мои усилія пропали бы даромъ, достигни я высшихъ слоевъ воздуха, гдѣ-нибудь въ другомъ пунктѣ.

„Когда я поднялся на двѣнадцать тысячъ футовъ, — что случилось около полудня, — вѣтеръ сталъ такъ суровъ, что я тревожно поглядывалъ на-тяги

машины и на ея крылья, ежеминутно ожидая, что они начнут полоскаться, или ослабѣютъ. Я даже отвязалъ парашютъ и прикрѣпилъ его крючокъ къ кольцу моего кожаного пояса, приготовляя къ самому худшему случаю. Для меня наступала минута, въ которую всякая небрежность механика оплачивается жизнью авіатора. Но машина выдержала искусь. Каждая ея проволока, каждый болтъ жужжали и выбривали, точно струны арфы, но мнѣ было радостно видѣть, что, несмотря на всѣ удары и толчки, монопланъ все же оставался побѣдителемъ природы и господинемъ неба. Конечно, въ самомъ человѣкѣ есть что-то божественное, разъ онъ преодолагаетъ ограниченія, которыми созданіе связываетъ его, преодолагаетъ ихъ именно съ помощью такого себелюбиваго, героическаго самопожертвованія, какое показали побѣды надъ воздухомъ. Говорите теперъ о вырожденіи людей! Когда въ лѣтописяхъ нашего рода былъ начертанъ такой разсказъ, какъ этотъ?

IV.

„Вотъ какія мысли наполняли мой мозгъ, когда я поднимался по чудовищно крутой липин; вѣтеръ то билъ мнѣ въ лицо, то свистѣлъ мимо моихъ ушей, а страна тучъ подо мной ушла такъ далеко внизъ, что ея серебряныя складки и выпуклости сгладились, и она превратилась въ одну плоскую, блестящую низменность. Но вдругъ я испыталъ страшное и новое ощущеніе. Я и раньше попадалъ въ то, что наши сосѣди-французы называли *tourbillon*, но онъ никогда не крутилъ меня съ такой силой. Въ громадной несущейся рѣкѣ вѣтра, повидному, были свои водовороты, такіе же чудовищные, какъ она сама. Мгновенно я очутился въ самомъ сердцѣ одного изъ нихъ и минуты двѣ кружился съ такой быстротой, что почти потерялъ сознаніе; потомъ мой монопланъ наклонился лѣвымъ крыломъ, упалъ, какъ камень, и потерялъ около тысячи футовъ. На мѣстѣ удержалъ меня только мой по-

леть. Еле дыша, потрясенный, я почти перевѣшивался черезъ перила моего пилотскаго мѣста. Но я способенъ на усиліе. Это мое единственное большое авіаторское достоинство. Я созналъ, что мы опускаемся медленно. Очагъ вихря составлялъ скорѣе конусъ, чѣмъ настоящую воронку, и теперъ я достигъ его вершины. Страшнымъ толчкомъ, перекинувъ всю тяжесть на одну сторону, я уравнивалъ мои планы и повернулъ аппаратъ по вѣтру. Въ одно мгновеніе онъ вынырнулъ изъ полосы вихрей и понесся внизъ. Потомъ, потрясенный, но побѣдившій, я поднялъ „носъ“ моего моноплана и снова началъ подниматься по спирали. Сдѣлавъ большой кругъ, чтобы избѣжать опаснаго мѣста, я скорѣе былъ выше его. Послѣ часа я уже достигъ двадцати одной тысячи футовъ надъ уровнемъ моря. Къ моей великой радости, моя летательная машина вышла изъ полосы бурь. Съ каждой сотней футовъ воздухъ становился спокойнѣе. Но стало очень холодно, и я уже испытывалъ ту особую дурноту, которая возникаетъ вмѣстѣ съ разрѣженіемъ атмосферы. Я развинтилъ мою кислородную подушку и вдохнулъ живительный газъ; точно подкрѣпляющій напитокъ, пробѣжалъ онъ по моимъ жиламъ, и я почувствовалъ ликованіе, почти осяпаніе. Поднимаясь въ холодный, тихій, далекій міръ, я кричалъ и пѣлъ.

„Для меня совершенно ясно, что безчувствіе, которое охватило Глешера и, въ меньшей степени, Коксвелла, когда въ 1862 году они на воздушномъ шарѣ достигли тридцати тысячъ футовъ, было вызвано крайнею скоростью вертикальнаго подъема. Если совершаешь его спокойно, медленно, постепенно приучая себя къ уменьшенному барометрическому давленію, то такихъ страшныхъ симптомовъ не появляется. Я могъ дышать безъ неудобства, даже безъ кислорода. Однако, мнѣ было жестоко холодно. Мой термометръ Фаренгейта стоялъ на нулѣ. Къ половинѣ второго я былъ уже приблизительно на высотѣ семи миль надъ

землей, и все еще постоянно поднимался. Тѣмъ не менѣе, мнѣ стало ясно, что разрѣженный воздухъ представляетъ значительно меньшее сопротивленіе для моихъ плановъ, и что вслѣдствіе этого мнѣ слѣдовало понизить уголъ подъема. Я понялъ, что даже при моемъ легкомъ вѣсѣ и сильной машинѣ, меня ждетъ пунктъ, гдѣ я буду принужденъ остановиться. Дѣло еще ухудшилось тѣмъ, что одинъ изъ моихъ дающихъ искры приборовъ испортился, и въ моемъ двигателѣ періодически прекращалось внутреннее горѣніе. Стѣя страха неудачи сердце у меня сжалось.

„Около этого времени я былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго явленія. Что-то прожужжало мимо меня, несясь среди дыма, и вдругъ разорвалось съ громкимъ шипѣніемъ, разсѣявъ вокругъ себя облако пара. Сначала я не могъ объяснить себѣ, что случилось. Потомъ вспомнилъ, что землю вѣчно бомбардируютъ метеорные камни; что врядъ ли на ней остались бы живыя существа, если бы почти въ каждомъ случаѣ метеоры не обращались въ паръ, во вѣдшихъ слояхъ атмосферы.

„Вотъ еще новая опасность для авіаціи на большихъ высотахъ; когда я приближался къ линіи сорока тысячъ футовъ, мимо меня пролетѣло еще два метеора. Не могу сомнѣваться, что на самомъ краю покрыва земли рискъ былъ бы еще сильнѣе.

„Стрѣлка моего барографа показала сорокъ одну тысячу; тутъ я понялъ, что дальше двигаться не могу. Физическія ощущенія еще не были невыносимы, но моя машина достигла границы своего движенія. Разрѣженный воздухъ не представлялъ твердой опоры для крыльевъ машины, и отъ малѣйшаго толчка она скользила въ бокъ, плохо слушалась управленія. Можетъ быть, если бы двигатели дѣйствовали вполне хорошо, я могъ бы пройти еще одну тысячу футовъ вверхъ, но вспышки попрежнему происходили неправильно, и одинъ изъ десяти цилиндровъ не работалъ. Если бы я не

достигъ уже зоны, къ которой стремился, понятно, я не увидалъ бы ее на этотъ разъ. Но развѣ я не достигъ ее? Плавая въ воздухѣ кругами, какъ чудовищный ястребъ, на высотѣ сорока тысячъ футовъ надъ землей, я предоставилъ мой монопланъ самому себѣ и черезъ мангеймскую трубу сталъ внимательно осматривать все окружающее. Небо было совершенно ясно; на немъ я не замѣчалъ никакихъ указаній на тѣ опасности, которыя рисовались моему воображенію.

„Уже сказано, что я парилъ кругами. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что я долженъ описать болѣе широкій кругъ, двинуться по новому пути. Вѣдь, желая встрѣтить добычу въ земной джунглѣ, охотникъ, конечно, пошелъ бы черезъ заросль. Мои прежніе расчеты внушили мнѣ мысль, что воображаемая мною воздушная джунгля лежитъ гдѣ-то надъ маленькимъ Уильямсбургомъ. Слѣдовательно, она находилась къ юго-западу отъ меня. Я опредѣлилъ мое положеніе по солнцу, потому что компасъ былъ ненадеженъ, не видѣлось никакихъ признаковъ земли — ничего, кромѣ отдаленной серебристой облачной низины. Тѣмъ не менѣе, я постарался принять надлежащее направленіе и велъ монопланъ къ опредѣленному пункту. Я рассчиталъ, что бензинъ мнѣ хватитъ только приблизительно на одинъ часъ, но я могъ израсходовать его до послѣдней капли, потому что одинъ величавый vol-plané въ любое время доставилъ бы меня на землю.

„Внезапно я замѣтилъ нѣчто новое. Воздухъ передо мной потерялъ свою кристалльную чистоту. Его наполнили длинныя косматыя полосы чего-то, что я могъ сравнить только съ очень легкимъ папироснымъ дымомъ. Онѣ колебались, волновались, свертывались въ кольца, разворачивались, медленно свивались, облитыя солнечнымъ свѣтомъ. Когда мой монопланъ проносился черезъ нихъ, я ощутилъ слабый вкусъ сала на губахъ, и сильный налетъ покрылъ деревянныя части моей машины.

Мимо меня проплыло нѣсколько сотъ странныхъ существъ...

Казалось, въ атмосферѣ висѣло безконечно тонкое, органическое вещество. Въ немъ не было жизни. Оно, расплывчатое, разсѣивающееся, тянулось на много квадратныхъ акровъ, потомъ расходилось бахромой и терялось въ пространствѣ. Итъ, это не была жизнь. Но можетъ быть, остатки жизни? И главное—не могло ли оно служить пищей жизни, чудовищной жизни, подобно тому, какъ незначительныя существа океана составляютъ пищу могучаго кита? Думая объ этомъ, я посмотрѣлъ вверхъ и увидѣлъ самое изумительное видѣніе, которое когда-либо рисовалось передъ глазами человѣка. Сумѣю ли я передать вамъ эту картину, такъ, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній четвергъ?

„Представьте себѣ медузу, такую, какія встрѣчаются у насъ въ морѣ лѣтомъ; медузу въ формѣ колокола, но исполнскаго размѣра, какъ мнѣ кажется, значительно превосходившую величиной куполь собора святого Павла. Медуза эта была свѣтло-розовая, съ зелеными жилками, но такъ нѣжна, что бросала волшебный контуръ на темно-синее небо. Весь колоколь слабо и ритмически пульсировалъ. Отъ него отходила пара длинныхъ зеленыхъ шупальцевъ; которые медленно качались взадъ и впередъ. Прелестное видѣніе мягко, съ безшумнымъ спокойствіемъ, прошло надъ моей головой, легкое и хрупкое, какъ мыльный пузырь, и медленно поплыло своей дорожкой.

Я слегка повернулъ свой монопланъ, чтобы посмотрѣть вслѣдъ красивому созданію, и мгновенно очутился посреди цѣлага флота такихъ же существъ самой различной величины. Однако, всѣ они были меньше черваго. Я разглядѣлъ нѣсколько совсѣмъ маленькихъ; большинство же приблизительно достигало величины обыкновеннаго воздушнаго шара, и всѣ имѣли почти такія же закругленія вверху. Цѣнность вещества, изъ котораго они состояли, и легкіе тона ихъ окраски напомнили мнѣ лучшее венеціанское стекло. Розовые и зеленые оттѣнки преобладали въ

расцвѣткѣ прозрачныхъ колоколовъ, но тамъ, гдѣ солнце мерпало сквозь нихъ, они отливали радугами. Мимо меня проплыло нѣсколько сотенъ странныхъ существъ, цѣлая сказочная эскадра невѣдомыхъ аргонавтовъ неба. Очертанія этихъ созданий и нѣжность твани ихъ тѣлъ вполне соответствовали чистымъ высотамъ. Трудно было повѣрить что, дѣйствительно, они доступны для земныхъ органовъ слуха и зрѣнія.

V.

„Но вскорѣ мое вниманіе привлекла новая неожиданность:—змѣи высшихъ слоевъ воздуха! Это были длинныя, тонкія фантастическія паробразныя ленты и кольца; онѣ поворачивались, свивались съ громадной быстротой, летая кругомъ меня съ такой скоростью, что глазъ еле успѣвалъ слѣдить за ними. Нѣкоторыя изъ этихъ призрачныхъ созданий имѣли футовъ до двадцати-тридцати длины; толщину же воздушныхъ змѣй было трудно опредѣлить, потому что ихъ туманныя очертанія словно таяли въ окружающемъ воздухѣ. Внутри ихъ свѣтло-сѣрыхъ или дымчатыхъ тѣлъ тянулись болѣе темныя лініи, которая вызывали мысль объ опредѣленной организации. Одна изъ змѣй скользила мимо моего лица, и я ощутилъ ея холодное клейкое прикосновеніе; однако, онѣ состояли изъ такого неплотнаго вещества, что я не ждалъ отъ нихъ болѣе физической опасности, чѣмъ отъ прелестныхъ колоколообразныхъ существъ, недавно пронесшихся передо мною; змѣи эти были не плотнѣе пѣны, всплывающей послѣ разбившейся волны.

„Но меня ждала болѣе ужасная встрѣча. Съ высоты спускалось какое то лиловое пятно тумана; когда я впервые замѣтилъ его, оно казалось маленькимъ, но, приближаясь, быстро выросло и, наконецъ, по моему предположенію, заняло нѣсколько сотъ квадратныхъ футовъ. Оно состояло изъ какого-то прозрачнаго, желатинообразнаго вещества, однако, имѣло болѣе

Я выстрелил изъ обомхъ стволовъ моего ружья...

определенный абрисъ и большую плотность, нежели существа, встрѣченныя мною раньше. Въ немъ также замѣчалось больше слѣдовъ физической организаци. Особенно два большихъ тѣневыхъ круглыхъ пятна могли обозначать глаза; между ними сидѣлъ совершенно твердый, бѣлый отростокъ изогнутый и жесткій, какъ клювъ коршуна.

„Наружный видъ этого чудовища былъ страшенъ и грозенъ; оно измѣняло свою окраску; сначала было свѣтлаго розовато-лиловаго оттѣнка, но постепенно приняло злобный фіолетовый дѣтъ, до того густой, что страшное созданіе, проплывъ между моимъ монопланомъ и солнцемъ, бросило тѣнь. На верхнемъ, спянемъ изгибѣ его громаднаго тѣла видѣлось три большихъ нароста, которые я могу назвать только исполнскими пузырями; глядя на нихъ, я рѣшилъ, что они были наполнены какимъ-то до крайности легкимъ газомъ, который поддерживалъ эту безобразную и полутвердую массу въ разрѣженномъ воздухѣ. Страшилище двигалось быстро, безъ труда равняясь съ монопланомъ; мнѣ двадцать или больше оно составляло мой страшный эскортъ, всяя надо мной, точно хищная птица, выжидающая времени упасть на добычу. Двигалось оно съ такой быстротой, что трудно было слѣдить за способомъ его передвиженія, но я замѣтилъ, какъ оно дѣлало это: изъ него вытягивался впередъ длинный, клейкій отростокъ, который тащилъ за собой весь остатокъ извивающагося, колеблющагося тѣла. До того эластично и желатинообразно было это существо, что и двухъ минутъ подрядъ оно не сохраняло одной и той же формы. И каждая перемѣна дѣлала его еще страшнѣе, еще противнѣе.

„Я понималъ, что оно задумало недоброе. Каждый лиловатый отвѣтъ его отталкивающаго тѣла говорилъ мнѣ объ этомъ. Неопределенные выпуклые глаза, постоянно обращенныя на меня, казались холодны, безжалостны, и въ ихъ слизистой глубинѣ мерцала неа-

висть. Я опустилъ переднюю часть моего моноплана, чтобы ускользнуть отъ чудовища. Въ эту минуту съ быстротою вспышки свѣта изъ пузырястой массы вытянулось что-то въ родѣ щупальца и съ легкостью и гибкостью конца бича обвило переднюю часть моей машины. Этотъ отростокъ легъ на горячій двигатель. Раздалось громкое шишѣніе; почти мгновенно опъ снова взвился на воздухъ, и все громадное, плоское тѣло страшилища сжалось, точно отъ внезапной боли. Я нырнулъ дѣлая vol-riqué; одинъ изъ щупальцевъ снова протянулся черезъ монопланъ, и пропеллеръ отрѣзалъ его съ такой легкостью, точно разсѣкъ клубъ дыма. Длинное скользящее змѣеобразное кольцо окружило мнѣ талию сзади и потащило изъ моего углубленнаго сидѣнія. Я рвалъ его руками; пальцы мои тонули въ мягкой, липкой, клеобразной массѣ; на мгновеніе я освободился, но снова былъ пойманъ другимъ кольцомъ, обвившимся вокругъ моего башмака; оно такъ потянуло меня, что я почти упалъ на спину.

„Падалъ, я выстрѣлилъ изъ обонхъ стволовъ моего ружья, хотя это было все равно, что нападать на слона, пуская въ него заряды горохомъ. Трудно представить себѣ, чтобы какое-нибудь человеческое оружіе могло ранить громадное тѣло чудовища. Однако, я безсознательно прицѣлился лучше, чѣмъ думалъ: съ громкимъ звукомъ—одипъ изъ большихъ пузырей на спицѣ страшнаго созданія лопнулъ отъ попавшей въ него картечи. Мои предположенія были справедливы: эти прозрачныя выпуклости наполнились какимъ-то газомъ, и теперь громадное тучеобразное тѣло мгновенно повернулось на бокъ; страшилище отчаянно корчилося чтобы придти въ равновѣсіе, а его бѣлый клювъ щелкалъ и разверзался въ припадкѣ ужаснаго бѣшенства. Тѣмъ не менѣе, я ускользнулъ отъ него, несясь по самому крутому наклону, который только рѣшился примѣнить, предоставивъ машинѣ дѣйствовать въ полную силу. Мой пропеллеръ, а также

притяженіе влекли меня внизъ съ быстротой аэроплита. Далекo позади себя я видѣлъ смутно лиловое пятно которое быстро уменьшалось, уходя въ синее небо. Я счастливо выбрался изъ убійственной джунгли вышнихъ слоевъ.

„Едва я очутился внѣ опасности, какъ я остановилъ моторъ; ничто, не разрываетъ двигателя на части скорѣе, нежели спусканіе съ высотъ съ полной силой. Я совершилъ великолѣпный спиральный vol-plané, приблизительно съ восьмимильной высоты; сначала къ полосу сребристыхъ облачныхъ грядъ, затѣмъ къ слою бурныхъ тучъ и, наконецъ, подъ ливнемъ къ земной поверхности. Вылетѣвъ изъ облаковъ, я увидѣлъ подъ собою Бристольскій каналъ но, имѣя еще запасъ бензина, сдѣлалъ миль двадцать вглубь страны, и только тогда опустился на поле въ полумиле отъ деревни Эшкомбъ. Тутъ я досталъ три жестянки бензина отъ пробѣжавшаго автомобиля, и въ тотъ же вечеръ, въ десять минутъ седьмого, спокойно слетѣлъ на мой собственный лужокъ въ Девайстъ, послѣ такого путешествія, какого не совершалъ еще никто изъ оставшихся въ живыхъ. Я видѣлъ красоту, я видѣлъ ужасъ высотъ...

„Я рѣшилъ подняться еще разъ, а потомъ уже открыть міру результатъ моихъ наблюдений. Этотъ планъ подсказало мнѣ сознаніе, что я долженъ представить людямъ какое-нибудь вещественное доказательство, рассказывая имъ о томъ, что я испыталъ. Правда, другіе скорѣе послѣдуютъ за мной и подтвердятъ мои слова, но я все-таки желаю сразу убѣдить всѣхъ. Конечно, не трудно будетъ поймать одинъ изъ прелестныхъ, играющихъ радугами воздушныхъ колоколовъ. Они медленно плыли, и быстрый монопланъ можетъ перерѣзать имъ путь движенія. Весьма вѣроятно, что они растаютъ въ болѣе тяжелыхъ слояхъ атмосферы, и что у меня останется только-пригоршня аморфной желатинной массы. Все же у меня въ рукахъ будетъ подтвержденіе моего

рассказа. Да, я поднимусь, даже риску жизнью. Повидимому, эти лиловые страшнѣйша пемногочисленны. Можетъ статься, я не встрѣчу ни одного изъ нихъ, а встрѣтивъ, тотчасъ же нырну. Въ худшемъ случаѣ со мною будетъ мое ружье, и я знаю куда...“

Тутъ, къ сожалѣнію, не хватаетъ страницы. На слѣдующей—большими, неправильными буквами написано:

„Сорокъ три тысячи футовъ. Я никогда больше не увижу земли. Они подо мной; цѣлыхъ три! Помоги мнѣ Боже... это ужасная смерти!“

VI.

Вотъ полный отчетъ Джойса-Армстронга. Съ тѣхъ поръ не было найдено никакихъ слѣдовъ этого человѣка. Осколки его разбитаго моноплана подобраны во владѣніяхъ м-ра Беддъ-Лушингтона на границѣ Кента и Суссекса, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ того мѣста, гдѣ лежала записная книжка. Если теорія несчастнаго авіатора справедлива, и эта, какъ онъ называетъ, „воздушная джунгля“ лежитъ только надъ юго-востокомъ Англии, значитъ, онъ летѣлъ прочь отъ нея со всей скоростью своего аэроплана, а страшныя созданія нагнали и уничтожили его въ высотѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были найдены мрачныя слѣды его гибели. Монопланъ, мчащійся внизъ съ безымянными ужасами, летящими ниже его съ такой же быстротой, вѣчно отрѣзываетъ ему путь къ землѣ и надвигаясь на свою жертву: представленіе, на которомъ не долженъ останавливаться человѣкъ, дорожащій своимъ рассудкомъ. Найдется много людей, я увѣренъ, которые все еще насмѣхаются надъ событіями, перечисленными мною, но даже они должны признать, что Джойсъ-Армстронгъ исчезъ, и я посоветую имъ вспомнить его же собственныя слова: „Если я не вернусь, эта тетрадь объяснитъ, что я пытался открыть и какъ погибъ. Но пожалуйста, безъ болтовни о случайностяхъ или необъяснимыхъ тайнахъ.“